

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

УДК: 81'16

Кирилина А.В.

Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации^{2,3}

*Московская международная академия,
Россия, Москва, alkira@list.ru*

Аннотация. В статье критически рассмотрены некоторые общие проблемы коммуникативно мощных европейских языков – влияние на них глобального английского и языков мигрантов, рост языковой рефлексии как в научной среде, так и за ее пределами; формирование новой философии языка; активизация и политизация полемики универсалистов и лингводетерминистов, дискредитация языков с высоким коммуникативным рангом.

Ключевые слова: глобализация, социолингвистика, языковая политика, европейские языки, языки мигрантов, пиджинизация, глобальный английский / мировые английские, лингвофилософия.

Kirilina A.V.

Problems of the development of leading European languages in the age of globalization

*Moscow International Academy,
Russia, Moscow, alkira@list.ru*

Abstract. The article deals critically with some common features of leading (communicatively strong) European languages: the influence of global English and the languages of migrants, the rising language reflection in the academic society and beyond it; the new conceptions of language, activation and politization of the discussion of universalists and linguadeterminists. Some proposals for the cultivation of European languages are being formulated.

Keywords: globalization, sociolinguistics, language policy, European languages, migrant languages, pigeonization, global English / world Englishes, linguaphilosophy.

² © А.В. Кирилина, 2018

³ Исследование проведено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»).

С конца XX века происходит ускорение глобализационных процессов и разворачивается полемика о судьбах языков ([Gardt, Nürpau, 2004; Coupland, 2003, 2010; Fairclough, 2006, Алпатов, 2004; Глобализация-этнизация, 2006; Гриценко, Кирилина, 2010] и многие др.). Продолжая тему, мы рассмотрим проявившиеся к настоящему моменту общие черты европейских языков, подразумевая под этим названием разработанные языки с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющие давнюю письменную традицию и функционирующие в экономически и культурно развитых европейских странах. Прежде всего это немецкий, русский, французский, итальянский, испанский языки. В силу широты вопроса мы тезисно коснемся лишь некоторых его сторон, предполагая их более подробное монографическое освещение.

В развитии этих языков и его научном осмыслении обнаруживается ряд сходных черт.

1. *Противопоставление их глобальному английскому*, что выражается в возникновении термина *неанглийские языки* и оппозиции *английский – все остальные языки*, а также в появлении пессимистических метафор *язык-убийца*, *язык-тиранозавр*; *кукушонок в гнезде языков*; *лингвистический империализм* и даже *языковой геноцид* (linguicide) [Phillipson, 2004], а также в пристальном внимании не только научного сообщества, но и «простых» граждан к языковому контакту «родной язык – английский язык».

2. Воздействие глобального английского⁴ (Globalish) [Ammon, 2004] на европейские языки; формирование так называемых *Denglish*, *Runglish*, *Franglais*, *Spanglish* и подобное, обслуживающих, как считают некоторые авторы [Augustin, 2004], новую глобальную идентичность.

⁴ Вопрос фрагментации глобального английского нами здесь не рассматривается (см. об этом [Crystal, 2004, с. 38]).

3. «Сокращение языка» (*submergence*) [Hürpau, 2004, с. 4] – вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из ряда сфер коммуникации, свойственных ранее лишь языкам развитых обществ – науки и международной коммуникации; *появление сходства в развитии языковых контактов языков с низким и языков с высоким коммуникативным рангом.*

4. Мощные и повсеместные миграционные процессы; диаспоризация; этнизация социальных групп и негативные демографические процессы во многих странах привели к изменению социальной базы носителей ведущих языков; росту их неомогенности; гибридизации вследствие интенсификации языковых контактов; образованию пиджинизированного языка мигрантов («язык гастарбайтеров»).

5. Повсеместная рефлексия о языке, институциональные и стихийные (народные) меры по защите ведущих языков Европы.

6. Новое социально-философское осмысление языка, дискуссия о роли и месте языка в «постнациональном мире», политизация и идеологизация концепций языка.

7. Академическая наука, в частности, языкознание становится одним из пяти агентов глобализации [Fairclough, 2006], что выражается в: 1) ревизии теории языковых контактов; 2) апологии экспансии английского языка и разработке практик транслингвальности при игнорировании фактов принуждения к использованию английского языка; 3) дискредитации коммуникативно мощных языков, в частности, русского языка.

В ряде научных трудов указывается на то, что крупные языки утрачивают свои функции – например в бизнесе, международных отношениях, торговле, спорте, в сфере моды, досуга и развлечений ([Ammon, 2010; Braselmann, 2004; Phillipson, 2004] и многие др.). Около

80% коммерческих переговоров по всему миру ведутся на английском, делая его необходимой предпосылкой для участия в международной торговле [Braselmann, 2004: 100]. Так, например, недавно обнародован факт отсутствия перевода на русский язык такого значимого для России документа, как протокол о вступлении в ВТО:

МОСКВА, 13 марта 2012 – РИА Новости. ...протокол о присоединении РФ к ВТО подписан на официальных языках Всемирной торговой организации: английском, французском и испанском. **Приложения составлены на английском языке.**

На русском языке – государственном языке России – протокол не подписывался, так как он не является официальным языком ВТО [Проведение в РФ референдума... – эл. ресурс].

Знание английского необходимо сегодня для работы во многих отраслях экономики – причем даже на низшем уровне корпоративной иерархии. Визуальная среда мегаполисов «пропитана» английским; его изучение и владение им социально престижны.

Общепризнан сегодня и факт вытеснения английским языком всех остальных из сферы научной коммуникации ([Ammon, 1998, 2002, 2003, 2004a, 2004b, 2010; Dieter, 2004; Hoberg, 2004] и др.).

Достаточно привести график, представленный в труде У. Аммона (рис 1).

У. Аммон представил распределение языков в аннотациях к научным статьям по естественным дисциплинам. Несколько ниже (но также высока – более 80%) доля англоязычных текстов в гуманитарном знании [Ammon, 2010, с. 116]. Даже с учетом того, что полнотекстовые статьи не всегда англоязычны и при англоязычной аннотации, данные У. Аммона впечатляют.

У. Аммон полагает: *«...многоязычие подрывает тот факт, что дополнительный язык дает много дополнительных форм и мало дополнительного содержания, что делает языки не очень удобными когнитивными инструментами, хотя эта мысль идет вразрез с идеями Гумбольдта и Уорфа.*

Поэтому немецкий будет изучаться ровно столько времени, сколько он будет осознаваться как полезный и дающий преимущества. Надо задать себе вопрос, сохранится ли потребность в изучении немецкого языка как иностранного, когда каждый немец или хотя бы каждый прилично образованный немец будет знать английской или глобальный язык. И не станет ли это отложенной во времени целью или, по крайней мере, ненамеренным результатом современной языковой политики и изучения иностранных языков в Германии. Или задать вопрос, к чему должно в итоге привести введение преподавания английского языка в начальной школе. Должен признаться, что не вижу иного выхода из этого туннеля, который может закончиться потерей международного статуса немецкого языка. У немецкоязычного сообщества нет иного выбора, ему приходится “своими руками” подрывать международный статус своего языка»⁵ [Ammon, 2004, с. 170].

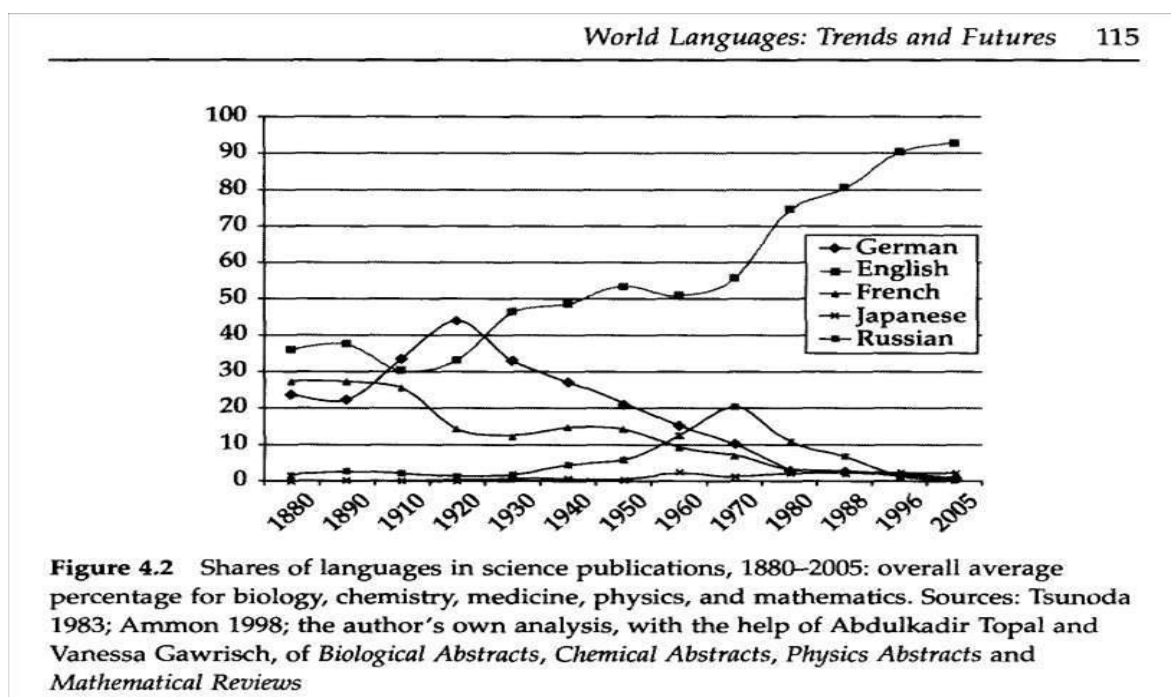

Рисунок 1. Соотношение языков в научных публикациях в 1880-2005гг. по биологии, химии, медицине, физике и математике [Ammon, 2010, с. 115]

На взгляд П. Филлипсона, вопрос обеспечения многоязычия в рамках ЕС «на удивление мало подвергается научной рефлексии и крайне редко становится предметом академических исследований» [Phillipson, 2004,

⁵ Здесь и далее перевод наш – А.К.

с. 51]. Названный автор обращает внимание на недостаточность языковой политики европейских государств, что также способствует сокращению европейских языков.

Образовательная политика, поддерживающая студенческую мобильность, также способствует развитию англоязычия.

В РФ в настоящее время английский занимает доминирующее положение во всех сферах функционирования иностранных языков и роль его возрастает; немецкий и французский не занимают столь прочных позиций в России и не составляют конкуренции английскому языку; французский занимает более слабые позиции, чем немецкий [Крючкова, 2010].

Английский наиболее часто изучаем в Европе как второй язык. На втором месте немецкий, на третьем – французский [Hoberg, 2004, с. 92].

Меры в сфере языковой политики оказывают, на наш взгляд, слабое влияние на сложившуюся языковую ситуацию. Яркий пример – Тутцингские тезисы 1999г. [Tutzinger Thesen, 1999], в которых, по сути, сформулирована программа сохранения европейских языков с высоким коммуникативным рангом⁶.

Оценки числа говорящих на русском языке и его динамики весьма различны – от сравнительно недавних (2013) сообщений в прессе (со ссылкой на Л.Г. Вербицкую) о 500 миллионах говорящих на русском языке в мире до крайне пессимистических прогнозов:

«В настоящее время по степени распространенности русский язык пока еще занимает четвертое место в мире... При сохранении существующих тенденций уже через 10 лет число знающих в различной степени русский язык сократится до 212 миллионов человек, и его опередят французский (которым в настоящее время владеют около 270 миллионов человек), хинди / урду (260 миллионов человек), арабский (230 миллионов человек), а

⁶ Приняты на конференции «Евронемецкий» (Euro-Deutsch) Немецким союзом германистов совместно с евангелической академией Тутцинга в июне 1999 года.

к 2025 году, когда число знающих русский в различных странах мира сократится ориентировочно до 152 миллионов человек (то есть достигнет уровня начала XX века), русский язык опередят португальский (в настоящее время им владеет свыше 190 миллионов человек) и бенгали (около 190 миллионов человек)».

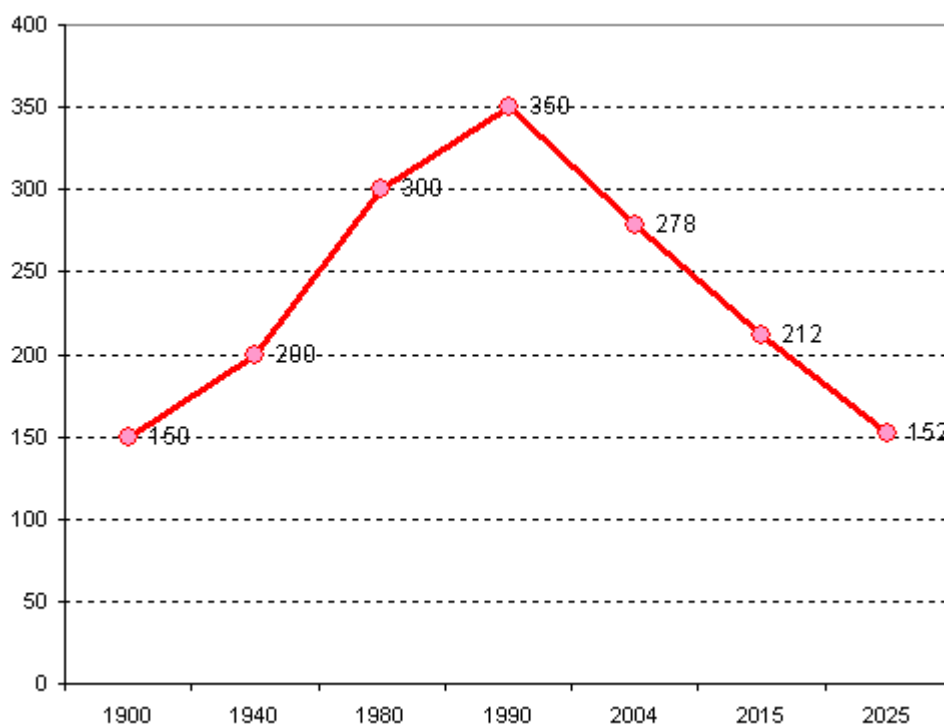

Рисунок 2. Тенденции распространения русского языка в XX веке и в первой четверти XXI века (оценка и прогноз) [Арефьев, 2006]

Хотя А.Л. Арефьев, как представляется, не учитывает положительные тенденции – воссоединение Крыма с Россией, расширение русскоязычного интернет-пространства, усиление борьбы русскоязычного населения бывших республик СССР за свои права, – основания для тревоги есть.

Вопреки установкам Тутцингских тезисов происходит взаимное сокращение изучения европейских языков и культур: «...за последние несколько лет закрылись или закрываются кафедры славянской филологии в Билефельде, Свободном Берлинском университете, Мангейме, Марбурге, Росток, Франкфурте-на-Майне, Эрлангене. В конце года будет закрыта

боннская славистика – признанный центр в изучении истории славянских языков и библейской переводческой традиции...» [Жданова, 2013, с. 153]. Сокращается число изучающих немецкий язык в России и русский – в Германии: В 2006/2007 учебном году русский изучали в общей сложности 134,8 тысяч немецких школьников или 1,4% от их общего числа (9,4 млн. человек). По числу изучающих в системе среднего образования русский язык находится на пятом месте, – после английского, французского, испанского и латинского языков [Арефьев, 2010]. После объединения Германии русский язык престал быть обязательным иностранным языком на территории бывшей ГДР.

Сходная ситуация складывается и в Российской Федерации: «В РФ в 2007г. английский язык в школах изучали 8 849 401 чел., немецкий – 1 867 446, французский – 464 735, 72 723 школьника изучали другие иностранные языки. Таким образом, количество школьников, изучающих английский язык, наиболее велико, значительно превосходит число изучающих другие иностранные языки, например, почти в пять раз превышает число изучающих немецкий. В высших учебных заведениях картина повторяется» [Крючкова, 2010, с. 35]. На сегодняшний день ситуация еще более тревожная: в 2017г. ЕГЭ по английскому сдавали около 80 тысяч школьников, по немецкому же – менее двух тысяч, в том числе в Санкт-Петербурге – менее 200 человек, в Москве – менее 300.

В 2000-е годы в Российской Федерации также наблюдается сокращение числа изучающих какой-либо неанглийский язык – как в школах, так и в вузах. Так, сокращается набор на отделения немецкого и французского языков в лингвистических университетах; в Московском институте лингвистики с 2011/2012 учебного года прекращено преподавание немецкого как второго – его заменил испанский. И этот факт типичен. В 2007г. в Москве была повышена зарплата учителям

английского (а не русского) языка, и такое положение дел просуществовало примерно пять лет.

Наряду с объективными процессами интеграции отмечают и недостаточную языковую лояльность; слабость или отсутствие протекционистской языковой политики и стремление бизнеса в унификации языка, насаждаемое в ущерб языковым интересам граждан. Ярким примером служит французский закон о языке, который был признан противоречащим Маастрихтским соглашениям и значительно смягчен. Закреплен следующий порядок: товар описывается на французском языке, но в дополнение могут использоваться другие языки (декрет № 2002 – 1025 от 1 августа 2002г. статья 1, получивший название *Decret Dutreil*) [Phillipson, 2004, с. 53]. Названный автор настаивает: «Небрежная языковая политика, таким образом, ведет к повышению риска для всех языков, кроме английского. Предоставление языковой политики силам рынка – национальным или наднациональным – это шаг в сторону большей доли английского и меньшей – национальных языков» [Phillipson, 2004, с. 543].

Миграционные процессы, а иногда практически неконтролируемая миграция также имеют серьезные последствия для развития языков (и не только). Однако проблема эта столь политизирована и накалена, что немногие решаются ее обсуждать.

Со второй половины XX века в немецком языковом пространстве появились новые явления, связанные с массовой миграцией. С 50-х годов XX века начался приток мигрантов из Турции, несколько позднее (с конца 80-х – начала 90-х годов) этнических немцев и евреев из СССР, с 1990 года в Германию переселилось на постоянное жительство примерно 200 тысяч евреев из бывшего СССР и Восточной Европы [Diez, 2005; Попков, 2009]. Для выходцев из СССР / России родным языком был русский [Попков, 2009]. По данным П. Поляна, «из лиц, приехавших в Германию по линии еврейской эмиграции, собственно евреями по национальности являются

59%, 25% – это русские и еще 12% украинцы» [Полян, 2007]. Мигрировали также русские и представители других национальностей, представленных в бывшем СССР. Помимо этого, в Германию иммигрируют и представители других стран.

Массовый въезд иностранных рабочих и в значительной мере самостоятельное и «усеченное» усвоение ими языка страны пребывания, а также неполная интеграция рабочих и поколения их детей привели к пиджинизации европейских языков [Clyne, 1968] (сегодня подобные термины да и просто критическое обсуждение вопроса считаются неpolitкорректными и могут повлечь за собой санкции, как это произошло, например, с автором книги «Германия самоликвидируется» [Sarrazin, 2010]), в которой описываются процессы, приведшие к образованию т.н. языка гастарбайтеров, обнаруживавшего типичные черты пиджина – упрощение грамматики, черты смешения вследствие интерференции и в целом «фрагментарное», «усеченное» [Blommaert, 2010] владение языком на уровне основных жизненных потребностей и базовых социальных связей.

К. Зорниг [Sornig, 1988, с. 63] отмечает следующие проявления утраты языка:

- 1) утрата «старательного» ведения диалога;
- 2) утрата способности порождать тексты;
- 3) утрата разнообразия текстов (отказ от некоторых типов текста);
- 4) утрата коннотативного семантико-лексического навыка говорения.

Миграционные процессы в России также драматичны, обострены отсутствием визового режима со странами, из которых идет широкий поток мигрантов (например, бывшие среднеазиатские республики СССР) и целым рядом иных обстоятельств (например, этнизацией социальных групп), обсуждение которых уводит слишком далеко от заявленной в статье проблематики. Отметим лишь преимущественно низкий уровень

образования и квалификации иммигрантов и негативное влияние этого факта на развитие русского языка, что выражается, в частности, в значительном расширении социальной базы ограниченного языкового кода.

Наконец, обратимся к интенсивной языковой рефлексии, которая характеризует сегодня практически все страны, затронутые глобализацией. Здесь обращает на себя внимание активизация стихийных, «народных» мер по защите родного языка. Уже в течение примерно 20-25 лет отмечается рост озабоченности граждан состоянием и судьбой родных языков.

Языки и их носители обнаруживают тенденцию противостоять лингвистической и культурной амальгамации [Braselmann, 2004, с. 99]. Это явление весьма ярко выражено в крупных странах Европы, где функционируют неанглийские языки с высоким коммуникативным статусом и широкой сферой действия – Германии, Франции, Италии и т.д. Почти 60% немцев считают тенденции развития языка вызывающими озабоченность [Eisenberg, 2004, с. 121]. В России также довольно ярко проявляется рост интереса к языку и обеспокоенность его судьбой. Это находит выражение и в дискуссиях лингвистов, и в обыденной жизни носителей языка.

Так, велико число откликов на материалы СМИ, посвященные жизни языка. В 2012г. в России развернулась и продолжается ныне дискуссия о роли русского языка в «Литературной газете» (№№ 5, 6, 10 и след. за 2012г.) и острая полемика, касающаяся новых образовательных стандартов и места в них русского языка и литературы. Ряд СМИ и радиостанций открыл рубрики, посвященные жизни русского языка.

Увеличилось число популярных книг о языке ([Кронгауз, 2008; Левонтина, 2011; Плунгян, 2012] и др.). Граждане активно обсуждают судьбу языка, считая, что русский язык надо охранять – об этом свидетельствуют, в частности, комментарии к материалам СМИ, дискуссия

о русском языке и глобализации в «Литературной газете» в 2012г. Резкой оценке граждан подвергаются высказывания некоторых лингвистов о том, что ничего страшного с языком не происходит. Эти оценки сегодня доступны научному наблюдению в электронной форме комментария к СМИ. Так, например, выступление М.А. Кронгауза на страницах газеты «Комсомольская правда» вызвало всплеск читательской активности, что выразилось в значительном числе комментариев и их полемическом накале [Максим Кронгауз: Русскому языку... – эл. ресурс]. 24 апреля 2018г. по каналу «Культура» прошла передача «Язык и политика», в которой ее участники – лингвисты и философы – высказали ряд идей, дискредитирующих русский язык: он, как считает философ А.С. Ципко, не в состоянии выразить идеи демократии, а английский, на взгляд филолога Б.Л. Иомдина, пошел дальше русского, в плане выражения гендерного равноправия⁷.

Популярный жанр демотиваторов также содержит видеовербальные тексты, призывающие учить русский язык и критикующие неграмотность, небрежное отношение к языку.

Высока посещаемость портала ГРАМОТА.РУ и его форума.

За рубежом также наблюдается повышение активности русскоязычного сообщества. Так, в мае 2012г. Союз русофонов Франции выступил с инициативой собрать подписи в поддержку использования русского языка как официального в ЕС. Соответствующее обращение опубликовано 9 мая 2012г. на сайте союза (russphonie.org). С 2007г. в РФ, по образцу некоторых европейских стран, происходит выбор слова года.

В Германии требования ввести закон о защите языка, аналогичный французскому [Werthebach, 2000], встречают идейное противодействие –

⁷ Критика этого абсолютно не соответствующего действительности утверждения, к сожалению, выходит за рамки тематики нашей статьи. Отметим, однако, что андроцентризм присущ языкам и культурам в разной степени, а средства выражения пола и гендера в русском языке весьма разнообразны.

публичные выступления в защиту немецкого языка, на взгляд Х.Й. Майера, рассматриваются как «противоречащие духу политкорректности, который в современной Германии включает чувство национального смирения (an attitude of national humility). Возможно, этим объясняется то, почему в целом сопротивление культурной и академической деградации немецкого языка слабо и – при широкой распространенности – мало звучит громко» [Meyer, 2004, с. 77].

Еще более остро ставят вопрос неакадемические сообщества. Крупнейшее из них в Германии – Союз немецкого языка (СНЯ) – Verein Deutsche Sprache), – основанное в 1997г. и насчитывавшее в 2004г. 13 000 и сегодня – 34 000 членов, а также 1 600 зарубежных членов союза. Общество настаивает на том, что оно защищает самоуважение и достоинство всех, чьим языком является немецкий. Все это сочетается с критикой глобализации, которая рассматривается как растущая зависимость от США. Роль союза весьма велика; его сайт демонстрирует высокую посещаемость и – несмотря на скептицизм многих членов академического сообщества [Schiewe, 2001] – пользуется популярностью. СНЯ проводит заметную работу по укреплению позиций немецкого языка, по противодействию экспансии английского. Так, сайт СНЯ содержит англо-немецкий конвертор (рис. 3), позволяющий любому посетителю заменить английское слово или выражение подходящим немецким.

Выпускается перечень англицизмов на бумажном и электронном носителях [Anglizismenindex Archive... – эл. ресурс]. Цель перечня – зафиксировать приток англицизмов в немецкий язык и доказать оспариваемый многими лингвистами тезис о влиянии английского. К англицизмам даны и немецкие аналоги. Список постоянно обновляется и содержал в 2012г. 7 400 статей⁸.

⁸ Мы намеренно не касаемся здесь вопроса о пуризме, а также оставляем для рассмотрения в отдельной статье Доклада о состоянии немецкого языка, вышедшего в

A - B - C - D - E - F - G - H - I - J - K - L - M - N - O - P - Q - R - S - T - U - V - W -
X - Y - Z

1 ergänzend 2 differenzierend 3 verdrängend

Eingabe: Suche starten

babe:	3	Kosewort, Variation von baby [→]	A
Baby:	1	Säugling, Kleinkind	A
Baby an Bord:	2	Kind im Auto	A
baby blues:	2	Heultage, Wochenbettdepression	A,T
babybody: (PA)	3	Strampel(anzug), Bed. im Englischen: Kinderleiche	R
baby bonds:	2	Kleinschuldverschreibungen, siehe auch bond [→]	W
baby boom:	2	Geburtenwelle	A,G
babydoll:	3	Mininachthemd	G
baby face:	3	Milchgesicht	A
babylifting:	2	(zweifelhafte) Adoptionspraxis	G
baby on board:	3	Baby im Auto	A
baby shooting:	3	Kinder fotografieren	W

Рисунок 3. Преобразователь английских слов, разработанный СНЯ

СНЯ включает ряд рабочих групп, которые занимаются различными сферами функционирования немецкого языка – англо-немецким языковым контактом, немецким в политике, науке, культуре.

В 2001г. создан Фонд немецкого языка. Его цель – сохранить, укрепить для будущих поколений немецкий язык, который представляет собой «общее достояние высочайшей ценности, выражение идентичности, полноценное средство повседневного общения, средство познания, мышления, общественного дискурса», и сделать его способным для выполнения новых задач [Stiftung Deutsche Sprache – эл. ресурс]. В состав правления и совета фонда входит профессура, представители экономики, юристы и политики.

Создан целый ряд сайтов, организованных профессиональными филологами или любителями, на которых каждый желающий может оставить данные о новых, исчезающих или исчезнувших словах. Помимо СНЯ и официальной лингвистики, ширится участие значительного числа

граждан в различных (интернет-)проектах, посвященных немецкому языку. Назовем лишь некоторые.

В 2005-2006гг. в двух томах вышла книга Б. Мрожека, посвященная исчезающим и исчезнувшим словам «Das Lexikon der bedrohten Wörter», в 2008г. она была переиздана в одном томе. Автор собрал исчезающий лексический материал немецкого языка. Словарь слов, находящихся под угрозой исчезновения, видит свою задачу в описании культурно обусловленной истории исчезновения слова. Книга многократно переиздана, а сбор материала превратился в интернет-проект [Mrozek, 2005 – эл. ресурс].

Аналогичный материал представлен в книге «Das Rotbuch Deutsch. Das Schwarzbuch Deutsch» (2006; около 600 лексических единиц): зафиксирована утрата 169 слов из языка ГДР, отмечен уход из немецкого языка французских заимствований.

Сходным образом действует интернет-проект Лотара Лемнитцера (Lothar Lemnitzer), посвященный неологизмам «Wörter von heute und morgen. Eine Sammlung von Neologismen. Laufend aktualisiert» [Die Wortwart – эл. ресурс].

В Германии продолжается проект «Слово года» (Das Wort des Jahres), реализуемый Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache; ОНЯ). В 1972г. впервые были опубликованы данные за 1971г., а с 1978г. сбор данных и публикация ведутся на регулярной основе. Отбираются слова и выражения, определявшие характер общественной дискуссии того или иного года или обозначающие важные события года. Частотность слова не играет при этом решающей роли. Эмоции и оценка также не влияют на выбор экспертов.

С 1991г. фиксируются и неудачные слова года (Das Unwort des Jahres) [Sprachkritische Aktion... – эл. ресурс]. Цель инициативы – повысить точность описания и пропагандировать гуманистическое

использование языка. Негуманные слова и выражения должны стать порицаемыми и выводиться из употребления. Акция призвана привлечь внимание к функционированию языка в общественной сфере и тем самым способствовать языковой сознательности и развитию языкового чутья у населения. Она способствует критическому взгляду на общественную коммуникацию, привлекает внимание к словам и формулировкам, которые нарушают ясность изложения или являются негуманными, например:

- задевают человеческое достоинство;
- нарушают принципы демократии;
- подвергают дискриминации отдельные социальные группы;
- представляют собой эвфемизмы, затушевывающие реальное положение дел или вводящие в заблуждение.

Неудачные слова года, таким образом, стоят на защите нравственных оснований употребления языка [Schiewe, 2001].

Важнейшая характеристика современной ситуации – политизация языковой рефлексии и идеологизация концепций языка.

Критически настроенные ученые видят в широком и быстром распространении английского целеполагание определенных политических и экономических групп. Так, на взгляд Р. Филлипсона, продвижение английского языка в Европе стало целью США и Великобритании с 1945г. Британский Совет сыграл ключевую роль в укреплении позиций английского в постколониальных странах и в посткоммунистическом мире, где глобализация проповедовалась как триединство рыночной экономики, прав человека и английского. Аналогичным образом И. Подзигун выделяет в глобализации естественную и искусственную составляющие. Последняя связана с политическими целями [Подзигун, 2003]. Еще более радикальную позицию занимает С.Г. Кара-Мурза, видящий в глобализации процесс, идущий с незапамятных времен, с самого начала цивилизационного развития человечества: «Обмен людьми

и продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество. Следовательно, сегодня речь идет не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе – попытке создания Нового мирового порядка. И о той мифологии, которая эту попытку идеологически прикрывает» [Кара-Мурза, 2001].

С конца 1990-х – начала 2000-х годов различные учреждения и ассоциации в странах Европы выступили в поддержку многоязычия (см. [Европейская хартия..., 1992]). Концепция современного владения двумя и более языками представлена в уже упомянутых «Тутцингских тезисах» [Tutzinger Thesen, 1999].

К концу первого десятилетия XXI века стало ясно, что глобализационные процессы более сложны и противоречивы, чем это представлялось на рубеже веков [Coupland, 2010]. Например, усилилась фрагментация общества, и на территории одной страны можно обнаружить, и области наднациональной метроэтничности [Maher, 2005], и локусы традиционные, слабо затронутые глобализацией; растет, воздействуя на местные идиомы, число «гибридных форм» языка, что связано с мощными миграционными процессами. Интерпретация этих процессов в гуманитарном знании не свободна от идеологической ангажированности. Еще более значим тот факт, что сегодня со всей очевидностью происходит создание новой модели человека и ее внедрение в массовое сознание. Это означает и политизацию обсуждения вопроса о языке. Так, уже примерно с 80-х годов XX века происходит активизация конструктивистских идей [Einführung..., 1992] и в их свете ширится критическое осмысление сущностей, связанных с миром национальных государств.

Важную роль в этой дискуссии играет критика понятия «национальный язык»: отметим явное оживление полемики

универсалистов (конструктивистов) и лингводетерминистов (нередко стоящих на примордиалистских позициях). Достаточно вспомнить дискуссию Анны Вежбицкой с С. Пинкером, И. Валлерштайном и др. (см. например, [Вежбицкая, 1999]). Так, на взгляд И. Валлерштайна, «расы, культуры и народы не представляют собой сущностей. Они не имеют фиксированных очертаний. Таким образом, каждый из нас является членом многочисленных – на самом деле несчетного числа – “группировок”, пресекающихся, частично совпадающих и вечно развивающихся» ([Vallerstein, 1994, цит. по Вежбицкая, 1999, с. 286]).

Эта полемика продолжается и по сей день (см. дискуссию в журнале «Политическая лингвистика» [Аникин, Чудинов, 2011; Серио, 2011; Павлова, Безродный, 2011; Шмелев, 2011; Дементьев, 2012], а также отзыв Д.Б. Гудкова о лекции П. Серио, прочитанной в МГУ в марте 2010г. [Кафедра общей теории словесности – эл. ресурс] и принимает подчас весьма ожесточенный характер⁹. На взгляд Х. Дитера, слова не просто звуковые комплексы. Они – памятники культуры малого формата. Со смертью языков умирают типы мышления. Углы зрения, способы восприятия, понятийные классификации действительности и их языковая передача и содержательная значимость. Охрана языка и забота о нем есть поэтому вид охраны окружающей среды [Dieter, 2004].

Универсалисты, отрицающие взаимосвязь языка и мышления, лингвокультурную самобытность народов, сближаются в этом отрицании с радикальными конструктивистами. Те же вслед за Б. Андерсоном [Anderson, 1983] объявляют нации воображаемыми сущностями, а национальные языки (со ссылкой на М.М. Бахтина) – сконструированными артефактами. Так, М. Биллиг считает: «Понятие “языка”, по крайней мере,

⁹ Одна из броских черт дискуссии – обвинение российских и восточно-европейских лингвистов, многие из которых в той или иной мере разделяют лингводетерминистские воззрения, в ненаучности. Однако этот важный и требующий отдельного обсуждения вопрос мы вынуждены пока оставить без рассмотрения.

в том смысле, который кажется “нам” столь банально очевидным, само может быть изобретенной непреложностью, созданной в эпоху национального государства. Если дело обстоит именно так, то не столько язык создает национализм, сколько национализм создает язык; или, скорее, национализм создает “наше” обыденное представление о том, что существуют “естественные” и бесспорные вещи, называемые различными «языками», на которых мы говорим» [Биллиг, 2005, с. 77].

При формировании политической, культурной и этнической идентичности сообществ язык всегда играет центральную роль [Gardt, 2004], поэтому разрушение понятий *нация*, *культура*, *национальная идентичность*, *этничность* влечет за собой и ревизию понятия *национальный язык*, который признаётся конструктом – и ненужным: «Пока язык не будет так же четко отделен от государства, как религия в Соединенных Штатах по американской Конституции, он будет оставаться постоянным и, вообще говоря, искусственным источником междоусобиц» [Хобсбаум, 2005, с. 58].

Подобные концепции отрицают идею культурной обусловленности языка и мышления и дезавуируют понятия «нация», «народ», «национальный язык». Более того, некоторые лингвисты связывают универсализм с демократией, а в лингводетерминизме усматривают путь к нацизму, как это сделал Патрик Серио, выступая в 2010 году в МГУ.

«Наднациональный взгляд» меняет и интерпретацию местных языков – теоретически обосновывается их автономность от породивших их культур. Проблема владения / невладения местным языком также рассматривается в ключе отрыва языка от культуры его носителей и с позиций права мигрантов поступать с языком по своему усмотрению. Так, обсуждая языковую ситуацию в Германии, Я. Ылдыз отмечает, что «сосредоточенность на глобализации и английском имплицитно предполагает, что сам немецкий остается неизменным, а это не так»

[Yildiz, 2004, с. 322]. Я. Ылдыз считает: в Германии доминирует мнение, что немецкий язык – собственность только лишь этнических немцев, а другие могут лишь пользоваться, но не владеть им. Я. Ылдыз утверждает, что заявления о порче языка вызваны нежеланием признать, что он не только достояние этнических немцев и что много других говорящих на немецком языке.

Я. Ылдыз настаивает: говоря о будущем немецкого языка, следует переосмыслить *считающуюся сегодня органической взаимосвязь между этническими немцами и немецким языком*. Я. Ылдыз представляет точку зрения мигрантов. Действительно, чтобы в полной мере понять ситуацию местного языка, надо рассматривать глобализацию как стимул и процесс транснационального взаимодействия. Например, считается, что миграция как транснациональный феномен создала условия для возникновения новых форм немецкого языка [Gardt, Nüppauf, 2004]¹⁰.

Носителям же языка и культурной традиции свойствен другой взгляд: транснациональная идентичность *не испытывает страха утраты языка* (выделено нами – А.К.), и ничто не сдерживает ее в экспериментах с языком [Nüppauf, 2004]. «Снятие» народа, национального государства, этничности, языка как нельзя лучше сочетается с провозглашаемой глобализацией идеей «свободного передвижения людей и капиталов». При такой постановке вопроса нет народа, нет понятия родной страны, а есть лишь территория, на которой (временно) находятся автономизированные наемные работники, и нет никакого критерия различия между представителями местной культуры и инокультурным мигрантом. Нет, следовательно, и языка, нуждающегося в культивировании. Трудно не увидеть в этом тесную связь лингвофилософии с идеологией и политикой.

¹⁰ Значительно реже упоминается, что само положение немецкого языка и культуры после 1945г., отсутствие закона о языке и многое другое, связанное с подавлением национального чувства, также способствовало ослаблению позиций немецкого.

Официальная языковая политика Германии, в которой немецкий язык не закреплен конституционно как государственный, способствует названному течению событий. Существует также историческая специфика развития некоторых стран: так, в германском гуманитарном знании по известным историческим причинам весьма распространен отрицательный взгляд на понятия *нация* и *национальный язык* [Gardt, 2004], о чем говорилось выше.

Мы привели в пример немецкий язык, однако и на материале русского можно прийти к подобным выводам. И в России официальные меры по поддержке и защите государственного языка недостаточны (это тема для специального обсуждения, и мы ограничимся пока лишь указанием на то, что в настоящее время закон о языках народов Российской Федерации № 1807-1 от 25.10.1991 (с дальнейшими изменениями в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ) не в полной мере учитывает столь значимое явление, как коммуникативный ранг языка и его роль в культурном и государственном развитии).

Между тем, говоря о национальных языках эпохи глобализации, необходимо разграничивать их коммуникативный статус – «малые», нередко бесписьменные, языки с небольшим числом носителей не слишком мешают глобализации и в официальном дискурсе ООН, ЮНЕСКО и подобных организаций рассматриваются как культурное достояние, требующее заботы и сохранения. В научной литературе нам не встретились утверждения о сконструированной сущности какого-либо «малого» языка. Коммуникативно же мощные европейские языки – немецкий, русский, французский, итальянский – напротив, встречают иное отношение и объявляются не существующими в реальности конструктами.

Наконец, в Латвии, Эстонии и др. странах (преимущественно Восточной Европы) проводится жесткая политика – отказ в гражданстве

для не владеющих государственным языком и подобное. Апология такой дискриминации также политизирована и, как правило, вербализуется в терминах освобождения от советского влияния и «гнета» русского языка (примечательно, что при этом место языка с высоким коммуникативным статусом и социальным престижем занимает, как правило, не местный национальный, а английский, интерпретируемый как символ демократии и прогресса, знак освобождения от «тоталитаризма», но никогда – как знак перехода в иную сферу влияния).

Возможно, это одна из причин, по которой во всех названных языковых пространствах ширится неудовлетворенность граждан состоянием своего языка и растет желание защитить его. Нередко эти взгляды не согласуются с «официальной» лингвистикой – ее упрекают в простой регистрации фактов, которая «народному» сознанию представляется недостаточной или неверной.

Что же можно предложить для сохранения и продления полноценной жизни наших языков с разработанным кодом и многообразными формами существования? Не претендуя на полноту, предложим следующее:

Борьбу за осуществление более твердой языковой политики. Р. Филлипсон в книге «English only in Europe? Language policy challenges» (2003) предлагает от описания прошлого и настоящего языков перейти к выполнению набора из 45 рекомендаций, направленных на эффективную языковую политику, которая обеспечила бы жизнеспособность языков и более правильное обращение с ними. Эти рекомендации относятся к четырем областям:

- инфраструктура национальной и наднациональной языковой политики;
- учреждения ЕС;
- изучение и преподавание языков;
- научные исследования.

Р. Филлипсон настаивает на насущности мер по языковой политике на наднациональном уровне. Цель – охрана языков Европы и многоязычия.

Кроме того, на микроуровне необходимо пропагандировать в своих странах действия и инициативы по сохранению языков; проводить совместные двусторонние конференции на родных языках; вести разъяснительную работу среди студентов, создавать блоги на своих языках и пользоваться всеми другими возможностями электронной коммуникации; разрабатывать и открывать соответствующие магистерские программы.

Повышать языковую лояльность – перестать бояться слов *Родина, родной язык, любовь к языку*. Требовать от СМИ неукоснительного соблюдения литературной нормы; не проходить мимо безграмотной (в любом отношении) или игнорирующей государственный язык рекламы, разрабатывать основы и добиваться проведения в жизнь протекционистской языковой политики, обобщать и использовать положительный опыт других стран, создавать неформальные объединения защитников родного языка и т.д.

Особенно важно не бояться критиковать лингвоуниверсализм, искать научные убедительные аргументы в пользу взаимосвязи языка и культуры, задействуя для аргументации новую форму существования языка – Интернет, позволяющий фиксировать многое из того, что ранее было недоступно наблюдению.

Надо глубже заняться критической стороной социоконструктивизма. Неолиберальные идеи следует рассматривать как лишь один из возможных вариантов интерпретации жизни языка и общества.

Список литературы

1. Алпатов М.В. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. 2004. № 2 (17). – С. 23-27.
2. Аникин Е.Е., Чудинов А.П. Дискуссия о русской языковой картине

- мира: Абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 11-14.
3. Арефьев А.Л. Изучение русского языка молодежью Германии // Демоскоп Weekly. 2010. № 441-442 (01-14 ноября 2010). Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit05.php> (дата обращения: 18.03.2018г.)
 4. Арефьев А.Л. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // Демоскоп Weekl. 2006. № 251-252 (19 июня – 20 августа 2006). Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema05.php> (дата обращения: 10.05.2012г.)
 5. Биллиг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4. – С. 60-86.
 6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 780 с.
 7. Глобализация-этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 книгах / Рос. акад. наук, Науч. совет «История мировой культуры», Ин-т славяноведения / отв. ред. Г. Нецименко. – М.: Наука, 2006. Кн. 1. 486 с.; Кн. 2. 461 с.
 8. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология. 2010. № 6. – С. 14-21.
 9. Дементьев В.В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А.Д. Шмелева с А.В. Павловой и М.В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). – С. 11-16.
 10. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, Страсбург, 1992. Режим доступа:

- <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/148.htm> (дата обращения: 18.03.2018г.).
11. Жданова В. Величие и... немощь // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). – С. 152-154.
 12. Кара-Мурза С.Г. Потянуло на воспоминания. Статейка 2001г. Режим доступа: <http://sg-karamurza.livejournal.com/119864.html> (дата обращения: 04.04.2012г.).
 13. Кафедра общей теории словесности. Режим доступа: <http://discoursforum.forum24.ru/?1-3-0-00000003-000-0-0-1267873166> (дата обращения: 18.03.2018г.).
 14. Крючкова Т.Б.. Функционирование иностранных языков на территории России // «Язык и общество в современной России и других странах» Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010г.): Доклады и сообщения. М, 2010. С. 32-38.
 15. Максим Кронгауз: Русскому языку ничего не угрожает, даже Интернет. Режим доступа: <http://kp.ru/daily/25798/2777921> (дата обращения: 03.12.2011г.)
 16. Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 11-20.
 17. Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: Философско-методологический анализ. М., 2003. 384 с.
 18. Полян П.В. Германии началась депопуляция еврейских общин (На полях свежих статистических данных) // Демоскоп Weekly. 2007. № 303-304 (01-14 октября 2007). Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit06.php> (дата обращения: 18.03.2018г.)
 19. Попков В.Д. транснациональное русскоязычное пространство в германии: основные особенности // Язык и сознание:

- Психолингвистические аспекты. Сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2009. С. 99-111.
20. Проведение в РФ референдума о присоединении к ВТО невозможно – ЦИК. Режим доступа: <http://www.ria.ru/economy/20120413/624990579.html> (дата обращения: 14.04.2012г.)
21. Серио П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 30-40.
22. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4. С. 132-140.
23. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4. С. 49-59.
24. Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 21-33.
25. Ammon U. World languages: trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 101-122.
26. Ammon U. Deutsch unter Druck von Englisch in Wissenschaft und Politik // Hoberg R. (ed.) Deutsch, Englisch, Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. Mannheim, Dudenverlag, 2002. S. 139-151.
27. Ammon U. Entwicklung der deutschen Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert // F. Debus, F.G. Kollmann. U. Pörksen (eds.) Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert – Vorträge des Internationalen Symposiums vom 18./19. Januar 2000. Stuttgart: Franz Steiner, 2000a. S. 59-80.

28. Ammon U. German as an International Language of the Sciences // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.) *Globalization and the Future of German*. – Berlin; New York: de Gruyter, 2004. S. 157-172.
29. Ammon U. Global English and non-native speaker. Overcoming disadvantage // H. Tonkin, T. Reagan (eds.) *Language in the Twenty-First Century*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2003. S. 23-34.
30. Ammon U. Ist Deutsch noch internationale Wissenschaftssprache? Englisch auch für die Lehre an den deutschsprachigen Hochschulen. Berlin; New York: de Gruyter, 1998. 339 S.
31. Ammon U. The Decline of German and the Rise of English as International Language of Sciences // R. Ahrens (ed.) *Europäische Sprachenpolitik European Language Policy*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004a.
32. Ammon U. Towards more fairness in International English: Linguistic Rights of non-native speakers // R. Phillipson (ed.) *Rights to Language. Equity, Power and Education*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000b. P. 111-116.
33. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / Revised edition. London-New York: Verso, 1991/1983. 224 p.
34. Anglizismenindex Archive – Verein Deutsche Sprache e. V. Режим доступа: <http://vds-ev.de/anglizismenindex> (дата обращения: 18.03.2018г.)
35. Augustyn P. The Seductive Aesthetics of Globalization: Semiotic Implications of Anglicisms in German // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.) *Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 307-318.
36. Blommaert J.A. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, NY, 2010. 230 p.
37. Braselmann P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // A. Gardt,

- B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 99-118.
38. Clyne M.G. "Zum Pidgin-Deutsch der Gastarbeiter" // Zeitschrift für Mundartforschung. 1968. № 35. P. 130-139.
39. Coupland N. (ed.) Sociolinguistics and Globalisation (thematic issue of Journal of Sociolinguistics. 2003b. № 7 (4).
40. Coupland N. (ed). The Handbook of Language and Globalization. D Blackwell Publishing Ltd. 2010. 662 p.
41. Crystal Dd. The Past, Present, and Future of World English // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 27-45.
42. Die Wortwart. Режим доступа: <http://www.wortwarte.de> (дата обращения: 18.03.2018г.)
43. Dieter H.H. Does «Denglish» Differentiate our Perceptions of Nature? The View of a Nature Lover and Language «Fighter» // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 139-154.
44. Diez B. Gemeinsames Erbe – plurale Tendenzen. Aussiedler und Juden aus der ehemaligen Sowjetunion in Deutschland. Ein Vergleich // Russische Juden und Transnationale Diaspora. (Hg.) von Julius Schoepes, Karl Grözingen, Wili Jasper und Gert Mattemklot. Philo. Berlin, 2005. S. 259-278.
45. Einführung in den Konstruktivismus- Beiträge von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick- Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung, hrsg von Heinz Gumin und Heinrich Meier. Band 5 Einführung in den Konstruktivismus. Piper Verlag GmbH, München, 1. Aufl.: 1992.

46. Eisenberg P. German as an Endangered Language? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 121-137.
47. Fairclough N. Language and Globalization. Routledge, 2006. 167 p.
48. Gardt A., Hüppauf B. (eds). Globalization and the Future of German. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. 375 p.
49. Gardt A. Language and National Identity // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 S. 197-209.
50. Hoberg R. English Rules the World. What Will Become of German? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 85-95.
51. Hüppauf B. Globalization – Threats and Opportunities // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 3-25.
52. Maher J.C. Metroethnicity, language, and the principle of Cool // International Journal of the Sociology of Language. 2005. № 175-176. P. 83-102.
53. Meyer H.J. Global English – A New Lingua Franca or a New Imperial Culture? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 65-83.
54. Mrozek B. Lexikon der bedrohten Wörter Taschenbuch – 1. Dezember 2005. Режим доступа: www.bedrohte-woerter.de (дата обращения: 18.03.2018г.)
55. Recent Past and Present // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004b. S. 157-172.
56. Sarrazin Th. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 450 S. Режим доступа:

<https://www.randomhouse.de/content/edition/excerpts/95642.pdf> (дата обращения: 18.03.2018г.)

57. Schiewe J. Aktuelle wortbezogene Sprachkritik in Deutschland // G. Stickel (Hrsg.) Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. S. VII-VIII. Berlin; New York: de Gruyter, 2001. S. 280-296.
58. Sornig K. Sprachverlust, Muttersprachlicher Zusatzunterricht und Reintegrationsprobleme bei Gastarbeiterkindern // Grazer linguistische Studien. 1988. Heft 29. S. 59-78.
59. Sprachkritische Aktion: Unwort des Jahres. Режим доступа: <http://www.unwortdesjahres.net> (дата обращения: 18.03.2018г.)
60. Stiftung Deutsche Sprache. Режим доступа: <http://www.stiftung-deutsche-sprache.de> (дата обращения: 18.03.2018г.)
61. Tutzing Thesen zur Sprachenpolitik in Europa. Erarbeitet auf der Tagung «Euro-Deutsch» des Deutschen Germanistenverbandes in und mit der Evangelischen Akademie Tutzing am 3./4.6.1999. Режим доступа: <http://www.germanistenverband.de/aktiv/tutzing.html> (дата обращения 12.05.2012г.)
62. Werthebach E. Die deutsche Sprache braucht gesetzlichen Schutz // Berliner Morgenpost. 2000, vom 31. Dezember.
63. Yildiz Ya. Critically «Kanak»: A Reimagination of German Culture German // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 319-340.

References

1. Alpatov M.V. Globalizaciya i razvitie yazykov // Voprosy filologii. 2004. № 2 (17). P. 23-27.
2. Anikin E.E., CHudinov A.P. Diskussiya o russkoj yazykovej kartine mira: Absolyutnyj universalizm i krajnij relyativizm (neogumbol'dtianstvo) // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). P. 11-14.

3. Aref'ev A.L. Izuchenie russkogo yazyka molodezh'yu Germanii // Demoskop Weekly. 2010. № 441-442 (01-14 noyabrya 2010). <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit05.php>
4. Aref'ev A.L. Skol'ko lyudej govoryat i budut govorit' po-russki? // Demoskop Weekl. 2006. № 251-252 (19 iyunya – 20 avgusta 2006). <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema05.php>
5. Billig M. Nacii i yazyki // Logos. 2005. № 4. P. 60-86.
6. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov. Moscow, 1999. 780 p.
7. Globalizaciya-ehtnizaciya: EHtnokul'turnye i ehtnoyazykovye processy: V 2 knigah / Ros. akad. nauk, Nauch. sovet «Istoriya mirovoj kul'tury», In-t slavyanovedeniya / otv. red. G. Neshchimenko. Moscow: Nauka, 2006. Kn. 1. 486 p.; Kn. 2. 461 p.
8. Gricenko E.S., Kirilina A.V. YAzyk i globalizaciya: zadachi i napravleniya sociolingvisticheskogo analiza // Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Filologiya. 2010. № 6. P. 14-21.
9. Dement'ev V.V. Ob ocenochnosti i absolyutizacii v lingvisticheskikh issledovaniyah: k diskussii A.D. SHmeleva s A.V. Pavlovoj i M.V. Bezrodnym o «lingvonarcissizme» // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1 (39). P. 11-16.
10. Evropejskaya hartiya regional'nyh yazykov ili yazykov men'shinstv, Strasburg, 1992. <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/148.htm>
11. ZHdanova V. Velichie i... nemoshch' // Voprosy psiholingvistiki. 2013. № 1 (17). P. 152-154.
12. Kara-Murza S.G. Potyanulo na vospominaniya. Statejka 2001g. <http://sg-karamurza.livejournal.com/119864.html>
13. Kafedra obshchej teorii slovesnosti. <http://discoursforum.forum24.ru/?1-3-0-00000003-000-0-0-1267873166>

14. Kryuchkova T.B. Funkcionirovanie inostrannyh yazykov na territorii Rossii // «Yazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah» Mezhdunarodnaya konferenciya (Moscow, 21-24 iyunya 2010g.): Doklady i soobshcheniya. Moscow, 2010. P. 32-38.
15. Maksim Krongauz: Russkomu yazyku nichego ne ugrozhaet, dazhe Internet. <http://kp.ru/daily/25798/2777921>
16. Pavlova A.V., Bezrodnyj M.V. Hitrushki i edinorog: iz istorii lingvonarcissizma // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). P. 11-20.
17. Podzigun I.M. Globalizaciya i global'nye problemy: Filosofsko-metodologicheskij analiz. Moscow, 2003. 384 p.
18. Polyan P.V Germanii nachalas' depopulyaciya evrejskih obshchin (Na polyah svezhih statisticheskikh dannyh) // Demoskop Weekly. 2007. № 303-304 (01-14 oktyabrya 2007). <http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit06.php>
19. Popkov V.D. transnacional'noe russkoyazychnoe prostranstvo v germanii: osnovnye osobennosti // Yazyk i soznanie: Psiholingvisticheskie aspekty. Sb. statej / N.V. Ufimcevoj i T.N. Ushakovej (eds.). Moscow; Kaluga: EHjdos, 2009. P. 99-111.
20. Provedenie v RF referendum o prisoedinenii k VTO nevozmozhno – CIK. <http://www.ria.ru/economy/20120413/624990579.html>
21. Serio P. Oksyumoron ili nedoponimanie? Universalistskij relyativizm universal'nogo estestvennogo semanticheskogo metayazyka Anny Vezhbickoj // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). P. 30-40.
22. Fishman Dzh. Segodnyashnie spory mezhdu primordialistami i konstruktivistami: Svyaz' mezhdu yazykom i etnichnost'yu s tochki zreniya uchenyh i povsednevnoj zhizni // Logos. 2005. № 4. P. 132-140.
23. Hobsbaum EH. Vse li yazyki ravny? YAzyk, kul'tura i nacional'naya identichnost' // Logos. 2005. № 4. P. 49-59.

24. Shmelev A.D. Vsegda li nauchnoe izuchenie russkogo yazyka yavlyayetsya proyavleniem «lingvonarcissizma»? // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). P. 21-33.
25. Ammon U. World languages: trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 101-122.
26. Ammon U. Deutsch unter Druck von Englisch in Wissenschaft und Politik // Hoberg R. (ed.) Deutsch, Englisch, Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. Mannheim, Dudenverlag, 2002. S. 139-151.
27. Ammon U. Entwicklung der deutschen Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert // F. Debus, F.G. Kollmann, U. Pörksen (eds.) Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert – Vorträge des Internationalen Symposiums vom 18./19. Januar 2000. Stuttgart: Franz Steiner, 2000a. S. 59-80.
28. Ammon U. German as an International Language of the Sciences // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.) Globalization and the Future of German. – Berlin; New York: de Gruyter, 2004. S. 157-172.
29. Ammon U. Global English and non-native speaker. Overcoming disadvantage // H. Tonkin, T. Reagan (eds.) Language in the Twenty-First Century. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 2003. S. 23-34.
30. Ammon U. Ist Deutsch noch internationale Wissenschaftssprache? Englisch auch für die Lehre an den deutschsprachigen Hochschulen. Berlin; New York: de Gruyter, 1998. 339 S.
31. Ammon U. The Decline of German and the Rise of English as International Language of Sciences // R. Ahrens (ed.) Europäische Sprachenpolitik European Language Policy. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004a.
32. Ammon U. Towards more fairness in International English: Linguistic Rights of non-native speakers // R. Phillipson (ed.) Rights to Language.

- Equity, Power and Education. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000b. P. 111-116.
33. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Revised edition. London-New York: Verso, 1991/1983. 224 p.
34. Anglizismenindex Archive – Verein Deutsche Sprache e. V. <http://vds-ev.de/anglizismenindex>
35. Augustyn P. The Seductive Aesthetics of Globalization: Semiotic Implications of Anglicisms in German // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 307-318.
36. Blommaert J.A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press, NY, 2010. 230 p.
37. Braselmann P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 99-118.
38. Clyne M.G. “Zum Pidgin-Deutsch der Gastarbeiter” // Zeitschrift für Mundartforschung. 1968. № 35. P. 130-139.
39. Coupland N. (ed.) Sociolinguistics and Globalisation (thematic issue of Journal of Sociolinguistics. 2003b. № 7 (4).
40. Coupland N. (ed). The Handbook of Language and Globalization. D Blackwell Publishing Ltd. 2010. 662 p.
41. Crystal Dd. The Past, Present, and Future of World English // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 27-45.
42. Die Wortwart <http://www.wortwarte.de>
43. Dieter H.H. Does «Denglish» Differentiate our Perceptions of Nature? The View of a Nature Lover and Language «Fighter» // A. Gardt,

- B. Hüppauf (eds). *Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 139-154.
44. Diez B. *Gemeinsames Erbe – plurale Tendenzen. Aussiedler und Juden aus der ehemaligen Sowjetunion in Deutschland. Ein Vergleich // Russische Juden und Transnationale Diaspora*. (Hg.) von Julius Schoepes, Karl Grözinger, Wili Jasper und Gert Mattemklot. Philo. Berlin, 2005. S. 259-278.
45. *Einführung in den Konstruktivismus- Beiträge von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzlawick- Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung*, hrsg von Heinz Gumin und Heinrich Meier. Band 5 *Einführung in den Konstruktivismus*. Piper Verlag GmbH, München, 1. Aufl.: 1992.
46. Eisenberg P. *German as an Endangered Language? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds.). Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 121-137.
47. Fairclough N. *Language and Globalization*. Routledge, 2006. 167 p.
48. Gardt A., Hüppauf B. (eds). *Globalization and the Future of German*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. 375 p.
49. Gardt A. *Language and National Identity // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 S. 197-209.
50. Hoberg R. *English Rules the World. What Will Become of German? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 85-95.
51. Hüppauf B. *Globalization – Threats and Opportunities // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 3-25.

52. Maher J.C. Metroethnicity, language, and the principle of Cool // International Journal of the Sociology of Language. 2005. № 175-176. P. 83-102.
53. Meyer H.J. Global English – A New Lingua Franca or a New Imperial Culture? // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 65-83.
54. Mrozek B. Lexikon der bedrohten Wörter Taschenbuch – 1. Dezember 2005.
www.bedrohte-woerter.de
55. Recent Past and Present // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004b. S. 157-172.
56. Sarrazin Th. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 450 S.
<https://www.randomhouse.de/content/edition/excerpts/95642.pdf>
57. Schiewe J. Aktuelle wortbezogene Sprachkritik in Deutschland // G. Stickel (Hrsg.) Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. S. VII-VIII. Berlin; New York: de Gruyter, 2001. S. 280-296.
58. Sornig K. Sprachverlust, Muttersprachlicher Zusatzunterricht und Reintegrationsprobleme bei Gastarbeiterkindern // Grazer linguistische Studien. 1988. Heft 29. S. 59-78.
59. Sprachkritische Aktion: Unwort des Jahres. <http://www.unwortdesjahres.net>
60. Stiftung Deutsche Sprache. <http://www.stiftung-deutsche-sprache.de>
61. Tutzing Thesen zur Sprachenpolitik in Europa. Erarbeitet auf der Tagung «Euro-Deutsch» des Deutschen Germanistenverbandes in und mit der Evangelischen Akademie Tutzing am 3./4.6.1999.
<http://www.germanistenverband.de/aktiv/tutzing.html>
62. Werthebach E. Die deutsche Sprache braucht gesetzlichen Schutz // Berliner Morgenpost. 2000, vom 31. Dezember.

63. Yildiz Ya. Critically «Kanak»: A Reimagination of German Culture German
// A. Gardt, B. Hüppauf (eds). Globalization and the future of German.
Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. S. 319-340.